

МАИЯ ЛАСКОВАЯ

ДНЕВНИК КАТАСТРОФ,

или
Хроники выживания
оптимистки

КИБЕР
КУРИЦА
СУДЬБЫ

РЕКЛАМНОЕ
АГЕНТСТВО

- ☑ Офисный абсурд
- ☑ Театр абсурда
- ☑ Сосед-конспиролог
- ☑ Выживание и оптимизм 😊

АЛЬФА
ЦЕНТАВРА

АЛЬФА
ЦЕНТАВРА
СЛЕДИТ
ЗА ТОБОЙ!

ВСЁ
БУДЕТ...
КАТАСТРОФА,
НО Я
СПРАВЛЮСЬ!

КОФЕ
МОЙ
ПСИХОЛОГ

НЕ СХОДИ
С УМА.
ЭТО ЛОВУШКА.

УЛЫБАЙСЯ.
БЕГИ.
ПИШИ
ДНЕВНИК

ХУЖЕ УЖЕ
НЕ БУДЕТ.
А, НЕТ...
БУДЕТ. ☹️

- ПЛАН:
1. Выжить
 2. Не сойти с ума
 3. Оптимизм не терять

ПРОДВИНЕМ
КИБЕРКУРИЦУ-
СПАСЁМ МИР!

ИДЕЯ!

Сатира Гротеск Театр абсурда. Жизнь.

Майя Ласковая
Дневник катастроф,
или Хроники
ВЫЖИВАНИЯ ОПТИМИСТКИ

*<https://litres.ru/74026744>
SelfPub; 2026*

Аннотация

Что делать, если твоя жизнь превратилась в театр абсурда: в безумном офисе шеф бредит киберкурицами, конспиролог превратил подъезд в филиал сумасшедшего дома, налоговая угрожающе дышит в лицо, а в народном театре на голову падают грабли? «Дневник катастроф» — это уморительные хроники выживания оптимистки в мире, где здравый смысл давно ушел на пенсию.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	12
Глава 3	19
Глава 4	26

Майя Ласковая

Дневник катастроф,

или Хроники

ВЫЖИВАНИЯ ОПТИМИСТКИ

Глава 1

ДНЕВНИК КАТАСТРОФ,
или
Хроники выживания оптимистки

(жанр: юмор, гротеск, абсурд, самоироничный сюр)

Пролог
В эпицентре чужого безумия

Я долго и мучительно размышляла, за какие именно грехи вселенная выбрала меня полигоном для испытания человеческой глупости. Потом думать перестала — заболели извилины — и просто взяла ручку, поскольку память — дама капризная, в отличие от офисных тиранов, театрального бума, бродячих психов и доморощенных конспирологов. Эти

как раз обладают пугающей привычкой всегда возвращаться на место преступления.

Моя жизнь напоминает затянувшийся бенефис в театре абсурда, где режиссёр явно перепутал жанры и ставит драму пополам с цирком, а мне выдали главную роль без права на суфлёра. Если однажды меня всё-таки увезут в тихую обитель с мягкими стенами, пусть этот дневник послужит официальным заявлением в Гаагский трибунал. Или хотя бы поможет следствию восстановить хронологию моих ежедневных катастроф. Дневник для меня — единственный бесплатный анальгетик от окружающей действительности. Итак, занавес открывается, господа. Не поминайте лихом. Но для начала давайте знакомиться.

Я Майя. Если вы откроете любой эзотерический справочник по женским именам, то прочтёте, что Майя — это «богиня весны, несущая миру гармонию и процветание». Как бы не так! Авторы этих книг явно ошиблись, потому что со мной не знакомы. В моём понимании «гармония» — это способность не зацепиться колготками за единственный торчащий гвоздь в радиусе пяти километров. А «процветание» — умение элегантно не сойти с ума посреди рабочей недели, не испортив макияж.

Верить в то, что написано ниже, или считать это художе-

ственным вымыслом — личное дело каждого. Мой внутренний адвокат настоятельно рекомендует заявить, что все совпадения случайны. Но, честное слово, у меня просто не хватило бы фантазии выдумать этот паноптикум. Жизнь — гораздо более изобретательный и циничный сценарист, чем я. В свои тридцать с хвостиком я внезапно обнаружила, что вселенная выдаёт мне приключения такими порциями, будто я круглосуточно нахожусь на кастинге в остросюжетное кино. Вместо лимонов для лимонада она подбрасывает мне исключительно грабли. Причём прилетают они аккурат по моему здравому смыслу, который уже давно сидит на чемоданах и умоляет о политическом убежище в какой-нибудь более спокойной голове.

Моя память бережно хранит офисную шизофрению, дворовую конспирологию, театральные катастрофы и ещё целый склад жизненного абсурда. Когда его концентрация вокруг превысила все допустимые нормы, я поняла: либо я начну это записывать, либо меня начнут принудительно лечить. Вот так и родился этот дневник...

Начать хроники своего личного апокалипсиса я обязана с рабочего места. Коллектив, в котором я тружусь — это не просто коллеги, это передвижной цирк-шапито, откуда дрессировщики давно сбежали, а бухгалтерию и факс захватили клоуны. Во главе этого паноптикума стоит Шеф — человек, чей интеллект сияет столь ярко, что начисто выжигает логи-

ку у всех окружающих. Именно его авторству и принадлежит то, что я теперь уважительно именую «Фразой века».

Глава первая

Фраза века, или Прощай, кросс

Офисное утро не обещало никаких потрясений. Коллектив откровенно скучал и лениво переглядывался. Марина в углу заботливо обновляла маникюр, Митя медитировал на пустую кружку. Таня гадала Маше на кофейной гуще, а Надя самозабвенно подыскивала тур на Канары. Вдруг в комнату проскользнул Сашка. На его лице отчётливо читались смущение, сумбур и лёгкий экзистенциальный кризис — верные признаки того, что он только что покинул кабинет босса.

— Что он сказал? — меланхолично спросила я, не отрываясь от монитора.

— Он выдал монументальный креатив, — ответил Сашка, трагически поперхнувшись остывшим чаем.

— Прямо-таки монументальный? — я демонстративно прикрыла крышку ноутбука, спасая технику от Сашкиных эмоций.

— Абсолютно! — Сашка заговорщически понизил голос. — Это было монументально.

Представляешь, шеф сегодня поднялся в четыре утра, провёл экстренную медитацию на привлечение космического вдохновения, и в момент ментального просветления запи-

сал в блокноте гениальную фразу:

«Бренд — это метафизическое яйцо, несущееся в киберкурицу потребительского выбора».

Он сделал паузу, давая нам проникнуться величиим момента.

— Представляешь? — прошептал он. — А главным свидетелем сего открытия стал его кот Витязь, которого шеф осчастливил троекратным поглаживанием по оголившимся чакрам.

Офис на секунду замер отвлёкшись от важных утренних дел, а затем дружно прыснул, едва не умерев со смеху. Таня взглядевшись в кофейную гущу чашки тут же узрела срочные тектонические сдвиги в нашем отделе. Моя меланхолия мгновенно капитулировала перед гомерическим хохотом коллег. Но это было только начало. Начальник, выдав сей лингвистический шедевр, обессиленно провалился в кресло и замолчал на три дня. Весь отдел маркетинга трое суток передвигался по коридорам на цыпочках и общался исключительно жестами. Мы мучительно выбирали между тремя вариантами: нанять шефу психотерапевта, вызвать неотложку или срочно менять профессию, пока киберкурицы окончательно не захватили территорию.

На исходе третьих суток начальник наконец вышел из глу-

бокого транса. Он покинул кабинет и, величественно подняв указательный палец к потолку, провозгласил замогильным голосом:

— Я чувствую... всем своим естеством, — он на секунду закатил глаза, будто сверяясь с космическим сервером, — эту информацию надо вывесить на огромном баннере. Над федеральным шоссе! Над всей страной!

Сашка испуганно икнул, явно представив, как под этим плакатом массово улетают в кюветы перегруженные фуры, чьи водители пытаются постичь суть киберкурицы. Я вернула лицу каменное выражение и меланхолично резюмировала:

— Предлагаю вместо баннера вывесить на шоссе самого шефа. Пусть лично транслирует космосу свои метафизические озарения.

Сашка уполз к себе переваривать очередной шедевр корпоративной мысли, а я поняла: если срочно не принять меры, это метафизическое яйцо вылупится прямо в моей голове.

Мозгу требовалась экстренная эвакуация из офисного чистилища. Спасаться от абсурда я решила радикальным и, как мне казалось, здоровым способом — бегом. Спорт ведь лечит, не правда ли? О, как жестоко я ошибалась. Злая сила, курирующая мои личные катастрофы, уже поджидала дома в прихожей, замаскировавшись под пару верных кроссовок. Я натянула их, вышла на дистанцию и сделала первый шаг...

навстречу трагедии. Как оказалось, это был мой последний кросс.

Всё начиналось вызывающе позитивно. Вечер обещал сокрушительный триумф здорового образа жизни над офисным маразмом. Я вышла на парковую дорожку, вдохнула майский воздух и почувствовала себя если не олимпийской чемпионкой, то как минимум женщиной, которая крепко взяла судьбу за рога. Багровое солнце заката ласково целилось мне в правый глаз, а верные кроссовки предвкушали победу над калориями. Я торжественно врубила в наушниках бодрый трек, красиво побежала и даже успела с грацией испуганной лани преодолеть первые десять метров. Ровно на одиннадцатом вселенная напомнила мне, что я слишком расслабилась, и нанесла коварный удар снизу. Моя наивная мантра «жизнь прекрасна» с треском разбилась о суровую реальность паркового асфальта. Раздался характерный, ни с чем не сравнимый звук сдающейся ткани, и зловеще хрустнуло в районе подошвы. День мгновенно перестал быть томным, а надоедливые птицы оглушительно заливались, мешая мне страдать. В кармане суетливо зазвонил телефон, предвещая новые неприятности. Он вибрировал с упорством параноидальной старушки на скамейке у подъезда, которая караулит и въедливо допрашивает: «А чего это мы босиком возвращаемся? Никак улики прячем, в пакете».

В реальности приколы сыпались на меня, как из прохудив-

шегоя мешка, а я, как всегда, оказывалась в самом эпицентре катастроф и собственных эмоциональных срывов. Поэтому я ругалась, как сапожник в темноте, которому на ногу одновременно уронили чугунный утюг и годовой отчёт по ЖКХ. И пока кто-то строил грандиозные планы на будущее, я, балансируя посреди парка на одной ноге, вдохновенно сочиняла некролог своим кроссовкам. Тем самым, что были немymi свидетелями моих главных побед, пробежек, нервных потрясений и того самого случайного свидания на остановке с интеллигентом в помятом шарфе и с дырявым карманом, когда весь наш пир состоял из пластикового стаканчика кофе и баранки. Кроссовки не просто порвались. Они погибали. Героически, в заведомо неравной схватке с километрами, провинциальными бордюрами и самой жизнью. Покойтесь с миром, мои резиновые братья. Ваш последний путь официально пройден. А я пошла за шлёпанцами.

Глава 2

Глава вторая Суслик и вибрация

На следующий день я пришла в офис в шлёпанцах. Наш кадровик, свято верящий в корпоративный дресс-код как в десятую заповедь, при виде моих голых пяток едва не подавился утренним диетическим хлебцем. На его немой вопрос я лишь устало отмахнулась:

— Се ля ви, Эдуард! Скажи спасибо, что я вообще пришла в брюках.

Усаживаясь за стол, я была полна твёрдого намерения прожить хотя бы эти сутки тихо, мирно и без эмоциональных потрясений. Вселенная, как обычно, выслушала мои наивные планы с глубоким интересом, хитро прищурилась и немедленно командировала в наш отдел Нину Степановну — налогового инспектора с мёртвой хваткой и лицом питбуля, узревшего вожделенную сосиску. Вообще Нина Степановна не ходит просто так — она всегда несёт с собой тотальный экзистенциальный кризис. В этот раз она ворвалась к нам со скоростью неуправляемого асфальтоукладчика, а в её глазах пылал зловещий огонь первооткрывателя.

Пока это орудие возмездия на диких оборотах несло по коридору, буквально сминая атмосферу, ко мне на цыпочках

подкрался Сашка и испуганно прошептал на ухо:

— Всё, приплыли. Наш бухгалтер Олег Петрович завалил отчёт. Нина Степановна пришла собирать дань кровью.

Стоит отметить, что до этого рокового дня Олег Петрович тихо, незаметно и крайне миролюбиво обитал на глухих задворках корпоративного бюджета. И надо же было чертям принести к нему Нину Степановну — признанного специалиста по налоговому террору! Она коршуном зависла над столом несчастного бухгалтера и леденящим душу шёпотом задала один-единственный вопрос, который навсегда изменил моё представление о фауне и физике:

— А где, простите, второй лист декларации за третий квартал по аренде производственных площадей?

Её шипение заставило мгновенно завянуть фикус на подоконнике. Сам вопрос, как выпущенный в салон переполненной маршрутки бешеный хомяк, вызвал у нашего бухгалтера дикую панику. Олег Петрович завибрировал всем телом — как ужаленный в попу суслик на минном поле. Весь коллектив дружно затаил дыхание, искренне переживая за его биологическое благополучие. Марина прекратила обновлять маникюр, Митя прервал медитацию на пустую посуду и на всякий случай наполнил кружку чаем. Таня отложила гадание на кофейной гуще, наспех пообещав Маше светлое будущее, а Надя, кажется, готова была добровольно отказаться от тура на Канары, если только это поможет коллеге выжить после визита Нины Степановны.

В следующую секунду Олег Петрович взлетел со стула, проломил плечом штору, с разбегу вписался в кулер и лихорадочно завертелся на месте с воплями:

— Сейчас найду! Моментально распечатаю! В момент скреплю! Я ничего не прятал, честное слово!

Принтер испуганно завыл. Степлер в руках бухгалтера щёлкал с такой яростью, будто пытался пристрелить воздух. Бумага летала по офису, как белоснежные лепестки корпоративного безумия. Когда шторм наконец утих, Олег Петрович обнаружился в дальнем углу под фикусом. Сидя на полу, он одной рукой вытирал пот со лба, а второй судорожно обнимал пухлый отчёт по амортизации офисной мебели и тихо, прерывисто шептал:

— Я буду хорошим... сусликом... Я больше не вибрирую... Честно...

Нина Степановна молча окинула взглядом этот пейзаж после битвы, перевела взгляд в окно, тяжело вздохнула и замогильно резюмировала:

— Похоже, пора пересаживаться в другой террариум. В этом гадюшнике у всех нервы на хвосте. И закрыла дверь с обратной стороны. Коллектив облегчённо выдохнул и мгновенно вернулся к прерванным утренним занятиям.

Однако радоваться было рано. Не успело эхо шагов грозного инспектора затихнуть на лестнице, как дверь приоткры-

лась, и Нина Степановна, просунув в щель голову, леденящим душу тоном пообещала:

— Я вернусь послезавтра утром. Лично проверю архивы за прошлый год. Надеюсь, ваш суслик к тому времени выйдет из комы. Дверь захлопнулась, а Олег Петрович выдал такой ультразвуковой всхлип, от которого в офисе задрожали стёкла. Наш бухгалтер снова попытался слиться с фикусом, меланхолично бормоча что-то о досрочном выходе на пенсию по причине внезапно обострившегося геморроя. Мы с Сашкой переглянулись. Бэтменское прошлое моего напарника требовало немедленного спасения утопающих, а мой здравый смысл подсказывал: если Олега Петровича узурпирует налоговая, премиальных нам не видать как своих ушей до следующего пришествия.

— Так, без паники, — скомандовала я, прошлёпав к столу бухгалтера. — Несите сюда архивы за прошлый год. Будем вместе проводить экстренную зачистку улик. Следующий час превратился в увлекательный аттракцион под названием «Пойми логику испуганного счетовода». Мы с Сашкой лихорадочно пролистывали пухлые папки, пока Олег Петрович судорожно икал на стуле, обнимая пачку валидола. Внезапно Сашка застыл, наткнувшись на какой-то документ, и его глаза округлились до размеров чайных блюдец.

— Олег Петрович... — осторожно начал Сашка, демонстрируя мне накладную. — Я, конечно, всё понимаю: представительские расходы, канцелярские скрепки, офисная бу-

мага... Но как в графу «модернизация оргтехники» за прошлый май затесалась покупка... павлина?

Я выхватила листок из Сашкиных рук. Синяя печать организации сурово подтверждала: фирма официально приобрела павлина в количестве одной штуки.

— Олег Петрович, — мягко уточнила я, — а куда Вы, собственно, дели этого модернизированного павлина? Деньги списаны, птицы в штатном расписании нет. Наш Шеф, конечно, бредит киберкурицами, но до павлинов даже он ещё не додумался. Надеюсь, это не киберпавлин, несущий яйца судьбы? Нам для полной клинической картины вполне хватает курицы босса.

Бухгалтер зарыдал с новой силой, размазывая слёзы по пухлому отчёту:

— Это я дочке... Дашеньке... На день рождения! Она так просила! И он вообще керамический, для украшения входа на дачу. Яйца не несёт!

— Ну, Слава Богу, одной проблемой меньше, — облегчённо вздохнул Сашка. Тут со своего угла подала голос Таня. Она срочно переключилась с Маши на проблемы счетовода и узрела в кофейной гуще очертания бутафорского павлина, важно сообщив:

— Вижу! Налоговая не поедет проверять наш кулер на наличие экзотических перьев!

— Нина Степановна поедет даже в Антарктиду, если почует запах сокрытия доходов, — резюмировала я. — Так,

думаем вместе. Как легализовать керамическую птицу в суровых условиях маркетингового отдела?

— А давайте подарим её самой Нине Степановне! — оживился Сашка. — Скажем, хотели преподнести на день рождения, да она ушла в отпуск. Вот птица на балансе и задержалась.

— А это идея, — поддержал Митя. — Надо прямо так и написать в объяснительной: «Крупногабаритный перьевой веер для охлаждения серверной комнаты в период летней жары, предназначенный в дар Нине Степановне». Наш инспектор зависнет на этой формулировке как минимум на час, пытаюсь понять, как реагировать.

— Тортик к чаю она нам точно не принесёт, — меланхолично встала Маша.

Поняв, что папка с павлином — это лишь вершина айсберга, а времени до возвращения грозной государственной машины катастрофически мало, Сашка принял волевое решение:

— Остальные двадцать коробок просматривать некогда. Включаем план «Б»!

План «Б» предполагал экстренную ликвидацию сомнительной макулатуры. Мы дружно бросились запихивать огромный тюк старых отчётов в офисный шредер. Но несчастный аппарат быстро подавился объёмами, зловеще задымил и начал яростно плевать бумажным конфетти.

В этот момент Сашка включил свои бэтменские навыки

маскировки и полез прятать оставшиеся коробки под фальшпотолок. Разумеется, хлипкая плитка не выдержала напора бухгалтерии и с треском рухнула. На голову Олега Петровича, который только-только перестал вибрировать, лавиной посыпалась пыль веков и старые накладные на канцелярские скрепки.

А я яростно застучала по клавиатуре, строча новую страницу дневника и даже не замечая, какие буквы выводят мои дрожащие пальцы. Психиатрическая бригада сегодня снова безнадежно опоздала. Что ж, шоу продолжается.

Глава 3

Глава 3

Машина смерти

После таких убойных рабочих дней нормальные люди обычно нуждаются в отдыхе. Я тоже мирно плелась к себе домой. Правда, в моём случае слово «домой» давно уже означало не тихую гавань, а переход на следующий уровень выживания в условиях дикой природы. Потому что на втором этаже нашего подъезда проживал Потап. Вы о нём не слышали? А зря! Срочно восполняйте пробел. Потап — это местный министр паранойи и председатель межгалактической безопасности нашего подъезда.

Возвращаясь с работы, я мечтала только об одном — тихо заползти в свою квартиру и временно раствориться в тишине, умерев для общества. Но едва я ступила на лестничную площадку, как из густого полумрака у мусоропровода беззвучно материализовался сосед. На голове у него красовалась кастрюля, тщательно обмотанная синей изолентой, словно от качества изоляции зависела безопасность всего нашего подъезда. В руках он сжимал какой-то ржавый агрегат, отдалённо напоминающий гибрид пылесоса и советской вафельницы. Честно? Я даже не вздрогнула. После недавнего появления в нашем отделе налогового инспектора Нины

Степановны этот кухонный головной убор показался мне милым, и вполне себе легитимным элементом вечернего гардероба.

— Тсс! — Потап прижал палец к губам и подозрительно оглядел ступеньки. — Тихо. В подъезде сегодня повышенная активность. Я чувствую. Сканируют всех подряд.

Он беспокойно провёл ладонью по лицу, снимая невидимую космическую паутину с глаз.

— Потап, у меня из ценного при себе только шлёпанцы и дёргающийся глаз, — устало вздохнула я, нащупывая ключи в сумке. — Пусть сканируют, мне не жалко.

Сосед посмотрел на меня с искренним сочувствием первосвященника, вынужденного общаться с неразумным дикарём. Но не отступил.

— У тебя дома алюминиевая посуда имеется? — леденящим душу шёпотом спросил он. — Имеется. Кастрюля на три литра. В ней борщ на два дня.

— Срочно вылей борщ и выбрось кастрюлю! — Потап мёртвой хваткой схватил меня за рукав. — Через алюминий они считывают мысли из космоса! Прямой канал связи с Альфа Центавра! Безлимитный!

— Потап, дорогой, — я мягко, но решительно отстранилась, освобождая локоть, — пускай считывают. У меня и без считывания там ничего хорошего — такой филиал ада в черепной коробке, что отсканировав её, они на свою Альфу Центавра сами обратно запросятся. Давай ближе к делу. Че-

го тебе надо? Батарейки, соль, фольга?

Потап мрачно покачал головой и заговорщически похлопал ладонью по своему ржавому агрегату:

— Хуже. Мне нужен удлинитель. Я запускаю свою «Машину смерти».

Я мысленно перекрестилась и крепче сжала сумку. Зона влияния этого двухметрового агрегатора конспирологических теорий высшего порядка начиналась прямо здесь и сейчас, на втором этаже подъезда.

Потап принципиально не работал, потому что «система заговорила против него». Сосед был уверен, что в его коренной зуб имплантировали правительственный микрофон. Именно поэтому днём он изнурительно тренировался молча, а разговаривал исключительно во сне — видимо, чтобы запутать спецслужбы.

Между прочим, каждое утро нашего домашнего конспиролога начиналось с того, что он величественно выходил на лестничную площадку в семейных трусах цвета горящего КАМАЗа и демонстрировал стойку раненого журавля. Потап застывал в этой величественной позе ровно до момента, пока кто-нибудь из жильцов не отважился выбросить мусор.

— Стой! — утробно рычал Потап каждому встречному, не меняя позы. — Я ощущаю от тебя флюиды государственного агента!

Поэтому я предпочитала выносить мусор по вечерам. Но

даже сейчас, на втором пролёте, я чуть не споткнулась о бабу Зину, которая с выпученными глазами судорожно сжимала ведро с объедками. Бедняжка после очередного «сканирования» заикалась до следующего утра, путая буквы и называя соседа с перепугу Потопом. А ведь бабе Зине ещё повезло. Обычно тренировки нашего космического контактёра заканчивались куда драматичнее.

Неудивительно, что подъезд медленно, но уверенно сходил с ума вслед за доморощенным конспирологом. Например, тётя Мила из двадцать четвёртой квартиры каждый вечер выходила на охоту, якобы за солью. У неё уже два мешка в кладовке спрятано — она её не ест, похоже, колдует. А вчера возвращаюсь с работы, слышу: тётя Мила на первом этаже загадочно так трёт пальцем под глазом и шепчет бабе Зине:

— Он мне сегодня опять подмигнул. — И заговорщически уточняет, — Седьмой чакрой. Ага.

— Кто?! — испуганно переспросила баба Зина, выпучив зенки.

— Как кто? Сосед наш, Потап! — тётя Мила прикрыла рот ладонью, чтоб никто не подслушал и добавила:

— А ты слыхала, Вера из двадцать первой разучила африканскую пляску «Танец пробуждения Губернатора»? Она верит, что он — это либо перевоплощение Тутанхамона, либо солист группы «Земляне». А может, и то и другое в одном флаконе! — Тётя Мила мелко перекрестилась.

— Кто? — тупо переспросила баба Зина.

— Кто, кто... Чем ты слушаешь! Потап, кто же ещё, — и юркнула в темноту.

Прокрутив в голове этот диалог наших мотыльков в домашних халатах, я мысленно содрогнулась и срочно задышала по методу Бутейко. Говорят, помогает. А недавно самая решительная из обитательниц нашего паноптикума, Проня, испекла пирог с намёками и попыталась подбросить его Потапу под дверь. Пирог в щель не пролез. Поэтому Проня не придумала ничего умнее, кроме как оставить на его коврике размашистую надпись кетчупом: «Ты — мой светильник в ночи».

Он, конечно, всё видел. Но гордо молчал. Потому что он не просто мужчина. Он был миражом. Харизма из соседа так и пёрла — как от уличного фонаря в дождь: света много, а пользы никакой. Но на наших потенциальных жертв нафталина это действовало безотказно.

Особенно Потапа боялись в круглосуточной шаверме на углу. Он являлся туда, как в Генеральный штаб — с потёртой картой мира, армейским компасом и требованием завернуть лаваш исключительно в отрывной лист Конституции.

— Я воюю с глобальным потребительским злом, — авторитетно объяснял он ошалевшему шаурмисту. — Я — жгучий перец в этом бурито мироздания!

Когда за долги по коммуналке у него всё-таки конфисковали последний телевизор, Потап окончательно вышел на

тропу войны. Он размашисто написал на стене подъезда ядовитой краской: «Смерть зомбоящику!». И добавил, мысленно настроив свой внутренний приёмник на новую волну: «Да здравствует мозговой Wi-Fi!».

С тех пор жалостливые соседи стали регулярно оставлять у его двери рулоны пищевой фольги для защитных шлемов. И если Потап её долго не забирал — считалось, что в его системе наконец-то что-то перезагрузилось. Однако сегодня, судя по кастрюле с синей изолентой, перезагрузка явно пошла по шву. А этот жгучий перец в бурито мироздания всё ещё стоял передо мной, требуя удлинитель для своей «Машины смерти», и преграждая путь к законному дивану.

— Потап, — ласково, как к тяжелобольному, обратилась я. — Удлинителя нет. Мой личный Wi-Fi сегодня заблокирован Гаагским трибуналом, а свой агрегат запускай от седьмой чакры тёти Милы. Прости, мне надо идти, у меня шлёпанцы жмут.

Я решительно боком протиснулась мимо кастрюли Потапа, юркнула в квартиру и заперлась на три замка. За дверью что-то угрожающе зашипело — кажется, сосед попытался сканировать мою замочную скважину.

Устало я сползла по стене, прямо в кресло, открыла тетрадь и нацарапала:

«Катастрофа номер три мирно скончалась. Если ночью нас всех не аннигилирует ржавый вафле-пылесос соседа —

завтра снова выйду на работу. Там хотя бы есть кулер, в который можно прицельно упасть».

Глава 4

Глава 4

Промахнулись, господа

В этот вечер «Машина смерти» Потапа, к счастью, так и не запустилась. Но зато запустился мой хронический недосып. Каждую ночь примерно в два часа за стеной что-то оглушительно грохотало. Я тщетно пыталась угадать, чем именно занимается сосед: собирает межгалактический телепортатор или купил новый пылесос. Судя по количеству металлических лязгов и торжественных воплей из-за стены: «Сейчас заработает!», оба варианта были одинаково вероятны. До трёх ночи Потап что-то сверлил, паял и периодически выкрикивал неразборчивые фразы. Похоже, изучал язык пришельцев для налаживания контакта. После таких ночных сеансов межгалактической дипломатии я и сама начала нервно реагировать на каждый подозрительный звук. Теперь даже от мирно падающей ложки на кухне я вздрагивала, как от предвестия вторжения небесных братьев с Альфа-Центавра.

Чтобы не сойти с ума, нужно было срочно сменить обстановку. Оздоровительный бег отменяется, поскольку новые кроссовки я пока ещё не приобрела: после безвременной кончины предыдущей пары между мной и спортивными

ми магазинами возникло сложное эмоциональное отчуждение. Поэтому вместо грациозной лани на минималках я временно перешла на философскую ходьбу, и на следующий вечер, пользуясь советами эскулапов, решила прогуляться — исключительно в терапевтических целях. Но судя по тому, что произошло дальше, медицина у нас давно работает под руководством Потапа. Вообще я заметила: чем хуже складывается жизнь, тем активнее появляются советы «больше гулять на свежем воздухе». Будто этот самый воздух обладает способностью наводить порядок в головах, успокаивать нервы и возвращать остатки здравого смысла, а заодно оплачивать коммуналку.

Но куда там... В подъезде дома меня ждал Потап с кухонным звукоулавливающим головным убором, а в офисе — шеф с метафизическим яйцом и Нина Степановна — с налоговым терроризмом в глазах. Поэтому променад показался мне наименее опасным вариантом существования. Как же я ошибалась! В тот вечер город выглядел подозрительно мирным. Настолько мирным, что мне сразу стало тревожно: как бы чего не вышло. И не зря. Я неторопливо дошлёпала до первого поворота парковой аллеи и уже начала подумывать, что вечер спасён — эксцессы отменяются. Как вдруг увидела, что по параллельной тропинке навстречу судьбе шагает импозантный мужчина в дорогом пальто. Двигался он плавно и невозмутимо, как кот, уверенно идущий по клавишам

рояля. Вид у него был такой, будто он только что сошёл со страниц журнала «Успешней всех». Презентабельный незнакомец просто не знал, что за спиной уже шныряет невидимый рок с заряженной катапульты. Стоило мне через минуту поравняться с небольшим фонтаном в центре парка, как тишину вечера бесцеремонно нарушил свист летящего объекта. Бах! Булыжник размером с уязвлённое эго пронёсся в миллиметре от уха презентабельного мачо и с глухим шлёпом воткнулся в кирпичную стену, где когда-то висела доска почёта. Теперь там обитал голубь с лёгким психозом и панически хлопающими крыльями. В ответ послышался сочный, раскатистый, стопудовый мужской мат.

Я замерла на месте, на всякий случай прикрыв голову сумкой и радуясь, что прилетело не в меня. Картина, открывшаяся взору, мгновенно вернула веру в то, что вселенная никогда не оставит меня без бесплатных зрелищ. Вслед за первым снарядом тут же просвистел второй. С визгом разрезая воздух, он сбил с мужчины шляпу. Но brutальный супермен на этот раз и глазом не повёл. Даже не дёрнулся. Лишь слегка наклонил голову, будто приглаживая вихор на макушке, затем лениво поднял с земли булыжник.

— Опять мимо... — хмыкнул он, не то обрадованно, не то с грустью. — Кто ж у вас прицел настраивает, господа киллеры? Бабушка Фрося из двенадцатой квартиры?

Голубь на стене нервно вздрогнул.

— Вот пуля пролетела и... ага... — пробурчал он речитативом, явно цитируя свой внутренний альбом рэп-молчаний. Его инстинкт самосохранения, видимо, давно улетел в Сочи. Но, скорее всего, статус просто не позволил признать победу партизанской вылазки неизвестного снайпера. Мужчина поправил воротник испачканного пальто и с деланной усталостью театрально затынулся несуществующей сигаретой — так, исключительно для антуража, пуская ментальные кольца дыма. Затем сделал ещё шаг. Земля под ногами меланхолично хрустнула, погребая под собой амбиции этой местной знаменитости.

— Могли хотя бы предупредить, — заметил он в пустоту. — Я бы надел белые носки. А то помру — и что, в чёрных перед пращурами являться? Несolidно.

В этот момент из-за густого кустарника выполз худощавый лопоухий субъект с глазами, как у шиншиллы на кофеине. Пацан лет двенадцати с рогаткой наперевес и лицом юного мстителя занял стратегическую оборону.

— Это ты, что ль? — лениво пролепетала двухметровая мишень, поднимая шляпу и стряхивая с неё остатки самомнения.

— Зависит от того, кем ты меня считаешь, — ответил пацан, шмыгая носом и поглубже засовывая руки в карманы.

— И кто же ты, если не секрет? — уточнил осанистый Геракл.

Но пацан не спешил раскрывать тайну своей личности. Он хладнокровно заложил в рогатку новый снаряд и выдал фразу, от которой у проходящей мимо интеллигентной дамы с болонкой подкосились ноги:

— Мамка велела проверить, настоящий ты или голограмма! Нормально ты так уклонился... Генетика работает. В следующий раз подключу баллистику.

После этого заявления мелкий снайпер ловко перемахнул через забор и растворился во дворах — припустил к родительнице, которая по вечерам обычно причитала: «Как же ты похож на своего батю!».

Представительный альфа-самец, получивший только что кармическое возмездие в виде рогаточной угрозы, хмыкнул, натянул шляпу и начал тихо напевать «Besame mucho» с явным акцентом на mucho и, озаряемый светом фонарей, величественно завернул за угол.

А я, ставшая невольным свидетелем этой сцены, осталась посреди сквера и думала о том, что каждый уважающий себя человек-легенда, плодящий безродное потомство, разбрасывает по жизни слишком опасные генетические сюрпризы. Но надо отдать должное тем, кто умеет красиво уходить со сцены. Даже если эта сцена — глухой переулок с бетонными заборами и густым запахом чужой жареной картошки. Прежде чем я успела осмыслить масштаб наследственной катастрофы, сумерки окончательно сгустились. Вернувшись домой,

я открыла свой дневник и записала:

«Генетика — страшная сила, а эволюция явно любит чёрный юмор и иногда сворачивает не туда. Но если от плодов этой эволюции приходится уворачиваться, то пращурам на том свете точно не скучно. Хорошо ещё, что мимо».